

УДК 930(470):271.2-9(47+57)«1929/1939»

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1929–1939 гг. В ОТНОШЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

К. А. ЛАТЫШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основании анализа постсоветской российской научной историографии определяются системообразующие направления изучения советской конфессиональной политики 1929–1939 гг. Выделение данного хронологического периода обусловлено значительными изменениями в конфессиональной политике, происходившими с момента реорганизации Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) (1929), принятия постановления «О религиозных объединениях» (1929) и иных преобразований до начала Второй мировой войны, что привело к расширению территории Советского Союза, на которой не проводились предыдущие этапы антирелигиозной политики. Ввиду потребности в расширении круга историографических источников осуществлен обобщающий тематический анализ региональных российских исследований истории старообрядчества, не имеющих значительных связей на межрегиональном уровне, несмотря на заметный количественный и качественный рост специализированных исследований в постсоветский период. Определены три общих направления исторических разработок: закрытие старообрядческих храмов, репрессии в отношении служителей культа, антирелигиозная агитация. Выявлены и охарактеризованы общие тенденции в рамках отдельных предметов исследований, наиболее важные проблемы и подходы к ним. Сформулированы причины, позволяющие рассматривать антирелигиозную политику в отношении старообрядчества как самостоятельное явление.

Ключевые слова: постсоветская российская историография; историография истории старообрядчества; советская антирелигиозная политика; антирелигиозные репрессии; антирелигиозная агитация; старообрядчество советского периода; старообрядчество в 1930-х гг.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПАЛІТЫКІ САВЕЦКАЙ ДЗЯРЖАВЫ 1929–1939 гг. У ДАЧЫНЕННІ ДА СТАРАВЕРСТВА

К. А. ЛАТЫШАЎ^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

На падставе аналізу постсавецкай расійскай навуковай гістарыяграфіі вызначаюцца сістэмаўтваральныя напямкі вывучэння савецкай канфесійнай палітыкі 1929–1939 гг. Вылучэнне дадзенага храналагічнага перыяду абумоўлена значнымі зменамі ў канфесійнай палітыцы, якія адбываліся з моманту рэарганізацыі Антырэлігійнай камісіі пры ЦК ВКП(б) (1929), прыняцця пастановаў «Аб рэлігійных аб'яднаннях» (1929) і іншых пераўтварэнняў да пачатку Другой сусветнай вайны, што прывяло да пашырэння тэрыторыі Савецкага Саюза, на якой не праводзіліся папярэднія этапы антырэлігійнай палітыкі. Па прычыне патрэбы ў пашырэнні круга гістарыяграфічных крыніц зроблены абагульняльны тэматычны аналіз рэгіянальных расійскіх даследаванняў гісторыі стараверства, якія не маюць значных сувязяў на міжрэгіянальным узроўні, нягледзячы на істотны колькасны і якасны рост спецыялізаваных даследаванняў у постсавецкі перыяд. Вызначаны тры агульныя напямкі гістарычных распрацовак: закрыццё

Образец цитирования:

Латышев КА. Историография политики Советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021;2:74–84.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-74-84>

For citation:

Latyshau KA. Historiography of politics of the Soviet state 1929–1939 regarding the Old Believers. Journal of the Belarusian State University. History. 2021;2:74–84. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-74-84>

Автор:

Кирилл Алексеевич Латышев – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. И. Меньковский.

Author:

Kiryl A. Latyshau, postgraduate student at the department of Russian history, faculty of history.
dzirtig@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-6886-0910>

стараверскіх храмаў, рэпрэсіі ў дачыненні да служыцеляў культу, антырэлігійная агітацыя. Выяўлены і ахакары-заваны агульныя тэндэнцыі ў рамках асобных прадметаў даследаванняў, а таксама найбольш важныя праблемы і падыходы да іх. Сфармуляваны прычыны, якія дазваляюць разглядаць антырэлігійную палітыку ў дачыненні да стараверства як самастойную з'яву.

Ключавыя словы: постсавецкая расійская гістарыяграфія; гістарыяграфія гісторыі стараверства; савецкая антырэлігійная палітыка; антырэлігійныя рэпрэсіі; антырэлігійная агітацыя; стараверства савецкага перыяду; стараверства ў 1930-я гг.

HISTORIOGRAPHY OF POLITICS OF THE SOVIET STATE 1929–1939 REGARDING THE OLD BELIEVERS

K. A. LATYSHAU^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Based on the analysis of the post-Soviet Russian scientific historiography, the system-forming directions of studying the confessional Soviet policy of the period 1929–1939 are determined, due to significant changes in confessional policy from the reorganisation of the Anti-Religious Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party (b) (1929), the adoption of the resolution «On Religious Associations» (1929) and other transformations till the start of the Second World War, due to the expansion of the territory of the Soviet Union, where the previous stages of anti-religious policy had been not carried out. In view of the need to expand the field of historiographical sources, we carried out a thematic and synthesis analyses of the regional Russian studies of the history of the Old Believers, that do not have significant connections at the interregional level, despite the significant quantitative and qualitative growth of the thematic studies in the post-Soviet period. We have identified three general directions of historical development: the closure of Old Believer churches, repressions against clergymen, anti-religious agitation. The general tendencies within the framework of individual research subjects the most important problems and approaches to them are identified and characterised. The reasons are formulated allowing to consider the anti-religious policy towards the Old Believers as an independent phenomenon.

Keywords: post-Soviet Russian historiography; historiography of the history of the Old Believers; Soviet anti-religious policy; anti-religious repression; anti-religious agitation; Old Believers of the Soviet period; Old Believers in the 1930s.

Введение

В статье анализируется постсоветская российская научная региональная историография конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества 1929–1939 гг.

История старообрядчества советского периода – уникальное историческое явление. Старообрядцы – религиозная (в некоторых случаях – этнорелигиозная) группа, имеющая в основе две ключевые парадигмы: веру, сопряженную со спецификой обрядности, и общинный принцип жизнеустройства. Помимо этого, старообрядцы длительный период своего существования в Российской империи подвергались давлению со стороны государства и православной церкви, что сказалось на замкнутости общин. Следует учитывать и тот факт, что старообрядцы расселялись по всей территории Российской империи, а в дальнейшем и Советского Союза. Если принять во внимание данный исторически сложившийся комплекс характеристик, становится понятной серьезная заинтересованность современного исторического сообщества в изучении положения старообрядцев в период 1930-х гг., который извес-

тен наиболее значительным развитием антирелигиозного движения.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают 1929–1939 гг. В указанный период происходили существенные изменения в советской антирелигиозной политике, осуществлялся важный этап процесса коллективизации, значительно затронувший старообрядческое население. В качестве нижней хронологической границы выбран 1929 г. ввиду целого комплекса существенных законодательных изменений: вступления в силу постановления Всероссийского съезда Советов от 18 мая 1929 г. «Об изменении и дополнении Конституции РСФСР», реорганизации 30 ноября 1929 г. Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), создания Постоянной центральной комиссии по вопросам культов и др. Верхняя граница обусловлена развязыванием Второй мировой войны, территориальными изменениями, началом предвоенного времени, которое вносит коррективы в осуществление национальной, антирелигиозной и культурной политики Советского государства.

На сегодняшний день изучение истории старообрядчества обозначенного хронологического периода осуществляется только в региональных исследованиях. Одним из ключевых достижений постсоветской историографии, по замечанию И. С. Цыремпиловой, является создание обобщающих работ историографического плана [1, с. 150], однако данные работы также ограничены внутренними региональными рамками. Более подробную информацию о трактовке современной историографии, ее отличительных чертах и росте внимания исторического сообщества к изучаемому направлению можно найти в аналогичном исследовании, посвященном историческому периоду 1922–1929 гг. [2].

Автор считает, что разделение устоявшегося периода 1920–30-х гг. на составные части и самостоятельное их изучение, а также сравнительный анализ позволят значительно обогатить историческую науку ввиду широких возможностей для изучения процесса изменений, формирования причинно-

следственных связей и более глубокого понимания исторических принципов существования Советского государства в обозначенный исторический период.

Особую роль в изучаемом вопросе играют региональные исследования, которые осуществляются во многих местах массового проживания старообрядцев в указанный хронологический промежуток. По мнению автора, это позволяет анализировать ситуацию в целом по стране и формировать представление о характере общесоветской политики в области религии в отношении старообрядчества. В данной статье используются материалы исследований как центральных, так и приграничных регионов СССР в хронологических границах 1929–1939 гг., а именно: Байкальского региона (Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье), Томского уезда, Алтая, Урала, Курского края, Краснодарского края, Нижневолжского края, Ветковщины, Стародубщины и др.¹

Основная часть

Несомненно, 1930-е гг. в истории советского старообрядчества – один из наиболее часто выделяемых структурных периодов. Ключевым предметом исследований является реализация репрессивной политики. Изучение данной темы базируется на выявлении основных методов советской власти и специфики их реализации на местах. Существует целый ряд самостоятельно изучаемых явлений репрессивной политики, которым посвящены как отдельные статьи, так и разделы работ более широкого плана. Говоря о последних, следует отметить тенденции к формированию целостной картины событий в большей мере, чем к изучению более узких вопросов. На данный момент эти тенденции реализуются как в историческом, так и в историографическом плане на региональном уровне.

Под региональной историографией понимается перенос термина «локальная история» непосредственно на историографию как область исторической науки. Мы определяем ее как способ осмысления глобального исторического процесса через местный, локальный территориальный аспект с учетом его специфики и характерных черт, что является основанием для нового уровня историко-научного анализа. Примером реализации обозначенных тенденций в региональной историографии служат работы исследователей Байкальского региона, которые можно использовать в качестве образца методологической, источниковедческой и исторической исследовательской деятельности, посвященной истории старообрядчества рассматриваемого периода. Прежде всего это обобщающие (в региональных

рамках) исторические и историографические монографии С. В. Васильевой [3; 4], А. В. Кострова [5; 6], Ф. Ф. Болонева [7] и др. Не меньшее значение имеют многочисленные статьи, опубликованные как в исторических журналах, так и в сборниках материалов тематических конференций. Зачастую подобные исследования содержат уникальную историческую информацию по изучаемому периоду, однако ввиду незначительного распространения автор считает необходимым максимально эффективное использование данного материала в обобщающих исследованиях, посвященных истории старообрядчества рассматриваемого периода. При этом наиболее корректно осуществлять такую деятельность в рамках обобщающего анализа изучения аспектов реализации антирелигиозной политики в контексте формирования базиса историографических источников.

На основании произведенного анализа автор пришел к выводу, что в настоящее время в исторической науке вопрос максимального расширения круга историографических источников является ключевым, в том числе и непосредственно в изучении истории существования старообрядчества выделенного периода. Трактуя историографический факт как «факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях, используемых для выявления закономерностей развития истории исторической науки» (А. И. Зевелева, В. П. Наумова) и применяя наиболее обобщенное определение исторического источника, а именно «любой исторический источник, содержащий

¹В территориальных рамках выделяются историко-географические границы наравне с административно-территориальными единицами ввиду значительных изменений в административно-территориальном делении СССР в рассматриваемый период, не имеющих значения в контексте изучаемых проблем.

данные по истории исторической науки» (Л. Н. Пушкарёв), мы считаем важным отметить идеи профессоров Г. Н. Ланского [8] и Г. М. Ипполитова [9] о том, что историографическим источником исследование историка становится лишь тогда, когда оно оказывает объективное влияние на общественное сознание. В случае отсутствия информационного эффекта корректнее говорить о подобном исследовании как об историографическом факте [8, с. 229; 9, с. 192]. При условии выделения профессиональной деятельности историков непосредственно из «общественного сознания» может наблюдаться логичная ситуация, когда многократно возрастает научная значимость региональных исследований ввиду насыщенности источника материалом, на основании которого возможно построение более общих исследований, т. е. развитие историографического источника. Для изучения старообрядчества 1920–30-х гг. данный вопрос стоит наиболее остро из-за отсутствия на сегодняшний день обобщающих исследований даже на диссертационном уровне, охватывающих всю территорию СССР изучаемого периода.

Рассматривая источниковедческую сторону исследований, можно констатировать не только широту и всесторонность использования письменных источников, архивных материалов различных регионов, ведомств и подразделений (что объясняется широким территориальным охватом), но и привлечение кинофото документов, лингвистических данных, этнографических материалов. Активное использование этих источников относительно старообрядчества 1930-х гг. позволяет строить более объективную картину событий ввиду следующих причин. Известны определенные систематические искажения официальных документов (таких как судебные материалы и др., о недостаточной информативности которых рассуждала, к примеру, Н. Д. Зольникова [10, с. 174]). Основополагающая роль в старообрядческой общине принадлежит религиозно-культурной составляющей, она уверенно сохранялась в условиях давления в период существования Российской империи. Социальные изменения, наблюдаемые в старообрядческой общине, зачастую дают большее представление о реальной эффективности антирелигиозных действий, чем статистические результаты, приведенные в официальных отчетах административного аппарата рассматриваемого периода.

Автор считает возможным выделить следующие ключевые направления изучения истории старообрядчества в постсоветской российской историографии: закрытие старообрядческих храмов, репрессии в отношении священнослужителей и верующих – старообрядцев, агитационное антирелигиозное давление. В контексте данной статьи было рассмотрено историографическое изучение каждого из направлений отдельно в соответствующей очередности.

Закрытие старообрядческих храмов. Вопрос закрытия старообрядческих храмов корректно разделить на два направления: деятельность по закрытию храмов и молелен как самостоятельный феномен и борьбу со старообрядческими монастырями (скитами) как отдельное явление. Исследователи солидарны во мнении о резком переходе к закрытию храмов с 1929 г. Так, О. Б. Гордеева со ссылкой на журнал «Антирелигиозник» приводила информацию о массовом закрытии храмов в местах массового проживания старообрядцев. Она отмечала, что «только за первую половину 1929 г. было закрыто более двух сотен сельских храмов и столько же городских» [11, с. 180], а к 1937 г. «старообрядцы были полностью лишены всех своих церквей и молельных домов» [11, с. 185]. И. С. Цыремпилова (на основе изучения культовых памятников Бурятии) также определяет в качестве точки отсчета 1929 г. Закрытые храмы преимущественно передавались государству, в них устраивались склады либо помещения для культурно-массовой работы. Имели место ситуации изъятия храмов (к примеру, Одигитриевского кафедрального собора) ввиду опасного технического состояния при дальнейшей их эксплуатации советскими властями без ремонта [12, с. 94].

А. В. Костров (на базе материалов по Забайкалью) уточняет, что политика закрытия храмов в данном регионе началась во второй половине 1930-х гг. ввиду большей значимости буддистских и православных культов. Исследователь выделяет налоговый пресс в качестве основного метода закрытия храмов. Отметим приводимое А. В. Костровым основание одной из общин для отказа от здания церкви: «От заключения договора на содержание церкви отказаться, так как не используем церковь в течение 5 лет и в настоящее время служителей нет» [13, с. 26]. Исследователь подчеркивает, что отсутствие священнослужителей, малочисленность общин наряду с высокими налогами создавали объективную причину для отказа от здания церкви. Отдельно А. В. Костров выделяет использование методов административного давления (таких как «решение “колхозных собраний”, которые были малочисленны, строительно-технический, санитарный контроль» [13, с. 30]) в ситуациях, когда община была многочисленна и не соглашалась на закрытие молитвенного помещения. Политика закрытия храмов привела к ожидаемому итогу: «К 1941 г. на территории Бурятии не осталось ни одного действующего старообрядческого храма» [13, с. 31]. К. В. Симоненков (на примере Курской области) охарактеризовал 1930-е гг. следующим образом: «На протяжении последовавшего десятилетия курский старообрядческий мир испытал самый сильный удар в своей истории» [14, с. 123]. Исследователь аргументирует это тем, что уже с 1929 г.

старобрядческие молельные дома стали резко изыматься у общин и отдельных священнослужителей (после их репрессирования) под нужды государства или же просто разбираться. К 1941 г. была закрыта последняя старообрядческая церковь. Изучая Нижнее Поволжье, Н. В. Пискунов определил, что ключевым основанием для закрытия храмов было «желание самих верующих» [15, с. 53]. На начало 1930-х гг. непосредственно в Сталинграде существовали три молитвенных дома старообрядцев. Уже в середине 1930-х гг. подавляющее большинство действующих храмов были закрыты. Говоря о методах, исследователь отмечает, что действия советской власти зависели от значимости общины: в отношении малочисленных общин чаще применялось изъятие зданий для «нужд государства», в многочисленных общинах преобладали методы экономического давления, вынуждающие старообрядцев отказаться от церкви.

По мнению автора статьи, необходимо обозначить весьма точное выражение Н. В. Пискунова: «Обычным в деле закрытия культовых зданий становился административный произвол местных властей» [15, с. 54]. Слово «обычным» в данном случае максимально полно передает исторический контекст действий советской власти. Весьма подробно вопросы административного давления на старообрядческие общины рассмотрены И. В. Куприяновой на примере Алтая. В начале 1930-х гг. превалируют давление экономического плана, дающее государству право на закрытие или переоборудование храмов, путем значительного увеличения налогов, требование временной передачи храма на нужды государства и одновременный судебный процесс о неиспользовании помещения в религиозных целях, требование ремонта помещения церкви в сжатый срок по завышенным ценам и т. д. Исследователь отдельно отмечает тот факт, что после 1936 г. церкви закрывались без какого-либо обоснования или с соблюдением минимальных юридических формальностей [16, с. 200].

М. В. Кочергина, рассматривая положение старообрядцев на примере Ветки и Стародубья, указывает как на законные, так и на незаконные аспекты давления в отношении общин. Применялся весь спектр возможного законодательства. Так, в Злыновском облисполкоме национализировали старообрядческий монастырь ввиду того, что он был построен на средства буржуазии [17, с. 5]. Отмечены и элементы сознательного нарушения законодательных актов со стороны государства (в частности, закрытие старообрядческого кладбища в Гомеле для строительных целей). Также М. В. Кочергина рассматривает сопротивление старообрядцев в законодательных рамках (жалобы с опорой на юридические правила закрытия кладбищ) [18, с. 33]. В изучении борьбы со старообрядческими скитами автор статьи

считает важными выводы И. В. Куприяновой о значимости юридического статуса скита. Существуют примеры, когда старообрядческий скит получал статус сельскохозяйственной или трудовой артели, для того чтобы иметь возможность прямого административного влияния [16, с. 200]. Встречаются сведения об изъятии колоколов, но, по мнению автора, нет оснований утверждать о значимости данной политики в отношении старообрядцев.

Таким образом, обобщая проанализированный материал, можно сделать вывод, что именно закрытие старообрядческих храмов является центральным вопросом в изучении положения старообрядчества в 1930-х гг. вне зависимости от территориального фактора. Особое значение данный вопрос имеет из-за превалирующей роли изучения юридического обоснования закрытия храмов и монастырей. Если дела репрессированных 1930-х гг. нечасто несут детальную информацию о задержанных, то документация, появляющаяся при расформировании общины или закрытии молельных домов, является весьма подробным источником. Важную информацию дает изучение сопротивления старообрядцев законными способами. Повышенное внимание исследователей сосредоточено на рассмотрении полулегальных и нелегальных способов антирелигиозной деятельности советского правительства ввиду значительного опыта сопротивления государственному давлению у представителей старообрядчества. Автор считает возможным говорить о централизованной всесоюзной антирелигиозной политике в отношении старообрядчества, в основе которой лежит единая система действий, отраженная в результатах многочисленных исследований.

Репрессии в отношении священнослужителей и верующих – старообрядцев. Изучение репрессий подразумевает выделение принципов их осуществления, «целевой аудитории», в отношении которой реализуется данная политика, оценку массовости и сопротивления репрессиям со стороны старообрядцев. О. Б. Гордеева в целой серии статей, посвященных положению старообрядцев Байкальской Сибири [11; 19–21], уделила значительное внимание непосредственно уголовному преследованию старообрядцев. Рассматривая историю старообрядчества 1930-х гг. через весьма необычную призму – изучение специфики молитвы, О. Б. Гордеева утверждает, что на протяжении 1930-х гг. на территории данного региона «были расстреляны практически все уставщики» [20, с. 434], ввиду чего старообрядцы начали молиться индивидуально дома. Важно отметить другой вывод автора: «Не только крестьяне, уставщики, начетчики, священники, но и члены их семей были репрессированы» [19, с. 125]. В исследовании, основным источником которого являются протоколы собраний сельских советов, стоит выделить внимание автора к поведению

местных старообрядцев, принявших власть Советов по отношению к своим братьям по вере: бежавших репрессированных сдавали властям, изгоняли из колхозов односельчане [21, с. 268]. О. Б. Гордеева видит в этом факте «победу» советской агитационно-репрессивной машины, поскольку такое поведение не было характерно для старообрядцев во все этапы досоветских гонений.

Однако, по мнению автора настоящей статьи, большее значение имеет тот факт, что в подобных действиях старообрядцы не замечены и в период советского давления до 1929 г. Значительное внимание О. Б. Гордеева уделяет реализации (в том числе и законодательной) жесткого давления на старообрядцев в условиях лагерей. Важно отметить и указанные О. Б. Гордеевой факты сопротивления старообрядцев репрессиям: «...старообрядцы “берут за глотку” бригадиров, “утробляют колхозных лошадей”, “распускают народ с лесозаготовок”, срывают сроки колхозных работ и т. д.» [21, с. 269]. Исследователь приходит к заключению, что «в 1930–1937 гг. происходило физическое уничтожение крестьян-староверов» [11, с. 185]. Выводы С. Р. Шигапова, выделявшего специфику активистов, осуществлявших репрессии в отношении старообрядцев Томского региона, позволяют говорить о новом подходе к организации давления на староверов. Обратимся к характеристике данного актива: это «новое поколение партийцев, пришедшее к власти после глубоких партийных чисток» [22, с. 48]. В указанном факте усматривается отражение умеренной эффективности антирелигиозной политики 1920-х гг. Отмечается как потребность в изменении непосредственных исполнителей, так и определенный успех в этом деле, что в полной мере отождествляется с иными примерами подготовки специальных кадров для работы непосредственно со староверами.

Н. Д. Зольникова, изучая историю урало-сибирских старообрядцев, описывает нестандартный феномен бегства старообрядцев в места массовых ссылок населения, при этом уточняется, что бегут «середняки», так как, по информации местного руководства, к кулакам причисляется незначительное количество старообрядцев. Особое внимание Н. Д. Зольникова уделяет тому факту, что основная причина старообрядческого бегства – неприятие коллективизации на индивидуальном, личностном уровне, который характеризует старообрядческую закрытую общину [10, с. 181]. М. В. Кочергина, изучая старообрядчество Ветки и Стародубья, приводит данные о репрессивных действиях против иконописцев-старообрядцев. Не менее трех иконописцев-ветковцев умерли непосредственно в 1930-х гг. Следует учитывать, что исследователями выявлено всего 27 подобных специалистов [23, с. 40]. К. В. Симоненков, изучая уголовные дела против священников, уставщиков и наставников – старообрядцев (на ос-

нове материалов по Курской области), выделял три равнозначных обвинения: в деятельности против коллективизации, в деятельности против советской власти, в приверженности к религии «старообрядческого направления» [14, с. 125]. Наиболее важным представляется вывод исследователя о том, что заметны целенаправленные действия не только против священнослужителей, но и против уставщиков и наставников, являвшихся духовным и нравственным ориентиром общины. Но считать их сугубо религиозными лидерами некорректно, ввиду чего можно констатировать целенаправленную деятельность государства по дестабилизации общины изнутри. И. В. Куприянова на примере Алтая, опираясь на письма белокриницкого епископа Томского и Алтайского Тихона архиепископу Мелетию, в первую очередь выделяет эффективность репрессивных действий советской власти, принуждение общины к самоликвидации. Среди основных методов – репрессии священнослужителей: по состоянию на 1930 г. им подверглись несколько десятков из 43 священников, а уже в 1931 г. «священников в провинции (селах) почти не осталось, за исключением трех-четырех старичков-священников... служить проездным священникам не разрешают и квартир не дают» [16, с. 198]. Следует уточнить, что И. В. Куприянова приходит к выводу, что потери священнослужителей не всегда останавливали религиозную жизнь общины. Старообрядцы зачастую сами осуществляли религиозные службы, используя «семейный собор» [16, с. 201].

Таким образом, вопрос репрессий в отношении старообрядцев в рамках настоящей статьи считается следующим по значимости в изучении положения старообрядчества 1930-х гг. Ключевым аспектом репрессивной политики видится определенная направленность. Не совсем корректно выделять в качестве основной цели репрессивных действий священнослужителей. В большинстве своем исследователи высказывают единодушное мнение, что репрессии в разной степени были ориентированы как на священников, так и на уставщиков, начетчиков или наставников. Нередки ситуации, когда представителями названных категорий являлись зажиточные крестьяне, в таких случаях в качестве инструмента давления применялось раскулачивание. Автор считает, что возможно допустить некое отождествление данных раскулачивания и антирелигиозных репрессий в отношении старообрядчества ввиду социально-экономической, религиозной специфики общин. В исследованиях получает отражение целенаправленное использование Советским государством старообрядцев, прошедших через советскую систему образования, для воздействия на единоверцев, что наряду с более широкими репрессиями относительно представителей общин не было характерно для массовой советской

антирелигиозной политики. Ввиду перечисленных факторов можно утверждать, что репрессивную политику в отношении старообрядчества корректно рассматривать как самостоятельное явление, обособленно от аналогичной политики в отношении иных конфессий.

Антирелигиозная агитация в старообрядческой среде. В предыдущем исследовании автора [2] одним из главных итогов являлось определение анализа антирелигиозной агитации как центральной позиции постсоветской исторической литературы, посвященной периоду 1920-х гг. Важным видится сравнение роли антирелигиозной агитации в 1920-х и 1930-х гг., что позволяет косвенно оценить эволюцию данного процесса в историческом контексте.

При рассмотрении аспектов изучения антирелигиозной агитации заслуживают внимания выводы О. Б. Гордеевой о реализации репрессивно-агитационных действий: «В атмосфере страха и доносительства воспитывались дети старообрядцев, им запрещалось учиться церковной грамоте у уставщиков... Связь между поколениями староверов была насильственно разорвана. В 1937 г. была запрещена семейская старообрядческая одежда. <...> Таким образом духовная культура староверов в 1930-х гг. XX в. была сломлена и подвергнута искоренению» [21, с. 269]. Закрытием церквей местная власть не ограничивалась. Известны случаи целенаправленного осквернения религиозных предметов. Так, «из больших икон, изъятых из старообрядческой большекуналейской церкви, сделали двери в коровнике, в свинарнике, в домах сельских активистов» [11, с. 181], а «все медные иконы, складни и кресты унесли в кузницу, на усадьбу Занадворова Абрама. Расплавив в горне, отлили подшипники для колесных тракторов» [11, с. 182]. А. В. Костров видит серьезную проблему в отсутствии молодежной поддержки в старообрядческих общинах, которые в том числе из-за малочисленности вынуждены были останавливать свою центральную религиозную деятельность [13, с. 30].

Анализируя в качестве источника кинематографические сведения о жизни забайкальских старообрядцев, А. В. Костров отмечает, что как минимум в нескольких произведениях 1930-х гг. старообрядцы являлись антигероями (анализ одного из таких произведений осуществлен А. В. Костровым отдельно [24]), в то же время есть свидетельства о достаточно реальном отражении определенных сторон старообрядческой жизни в кинематографическом произведении конца 1920-х гг. [25, с. 77], что дает возможность говорить о разноплановом использовании кинематографа в вопросах пропаганды.

С. В. Бураева и С. А. Батулин, рассматривая повседневную жизнь старообрядчества изучаемого периода, на основании анализа фотографий старо-

обрядцев определили существенные изменения во внешности и используемой одежде: «К середине 1930-х гг. тенденция перехода от традиционной одежды к гражданской стала главенствующей» [26, с. 66]. В такой консервативной группе, как старообрядчество, это является серьезным отражением внутренних деструктивных процессов (мы можем назвать их модернизационными, однако для закрытой общины подобный процесс приводил лишь к разрушению). Весьма интересный вывод касательно специфики агитации против «таежных» староверов сделал С. Р. Шигапов. Опираясь на массовое использование относительно старообрядцев термина «таежники», который ранее не применялся, исследователь приходит к выводу, что наблюдался процесс дискредитации старообрядцев на основании места их проживания (т. е. тайги). Не меньшую важность представляют сведения автора о том, что чиновники местного уровня, по имеющимся на 1933 г. данным, рассматривали перевод в «старообрядческий колхоз» как определенное наказание либо работу «в сложных условиях» [22, с. 46]. К. В. Симоненков, уделяя больше внимания репрессивным действиям и политике закрытия храмов, констатировал, что относительно курского старообрядчества антирелигиозная агитация не имела серьезного успеха, а являлась в некоторой мере «данью советской идеологии» [14, с. 126].

И. В. Куприянова в исследовании, посвященном семейной жизни старообрядцев Алтая, выделяет две важные тенденции 1930-х гг., ранее нехарактерные для старообрядчества: серьезное увеличение роли женщин в религиозной жизни семьи и отсутствие сопротивления родителей социальной адаптации детей путем изоляции их от общественной жизни [27, с. 329]. Обе тенденции, по мнению автора настоящей статьи, являются отражением определенной эффективности советской агитационной политики 1920-х гг., сумевшей подточить единство общины, пошатнуть патриархальную религиозную структуру. М. В. Кочергина (на примере Ветковщины и Стародубья) в строительстве в Новозыбкове (одно из мест компактного проживания старообрядцев. – К. Л.) в 1930 г. агропединститута видит инструмент антирелигиозной агитации непосредственно против старообрядцев [17, с. 4]. Исследователь исходит из того, что выпускники, бывшие старообрядцами, активно участвовали в агитационной и образовательной деятельности в своих общинах, для них не была помехой замкнутость старообрядческой общины.

Анализ изучения агитационных действий позволяет утверждать, что изучение советской агитации (преобладающее при рассмотрении периода 1920-х гг.) в значительной мере теряет свою актуальность. Исследователи, вне зависимости от территориального фактора, сходятся во мнении, что в 1929 г. произошла кардинальная смена содер-

жания антирелигиозной политики с агитационной пропаганды на репрессивную деятельность. Ключевым фактором изучения антирелигиозной агитации является выявление и анализ закономерностей между антирелигиозной агитацией 1920-х гг. и серьезными изменениями в условиях существования общины в 1930-х гг. Среди характерных черт, подтверждающих успешность агитации 1920-х гг., исследователями выделяется значительное отступление старообрядчества в целом (в первую очередь старообрядческой молодежи) от строгих религиозных

норм и самоизоляции, что было нехарактерно для данной религиозной группы на всем протяжении ее существования. Важным этапом антирелигиозной агитации является обозначенное ранее использование в антирелигиозной работе старообрядческой молодежи, что еще раз подтверждает повышенное внимание к данной этнорелигиозной группе со стороны государства. Исследователи отмечают попытки отождествления старообрядчества с контрреволюционной деятельностью в средствах массовой информации.

Заключение

Проведя анализ постсоветской российской региональной историографии, посвященной положению старообрядчества в 1930-х гг., автор выделил три основные научные проблемы, в рамках которых осуществляется исследовательская деятельность: закрытие старообрядческих храмов, репрессии в отношении священнослужителей и верующих – старообрядцев, антирелигиозная агитация.

Сделан вывод, что в рамках данных направлений формируется единая историческая картина с определенной региональной спецификой, не противоречащей реализации централизованной антирелигиозной политики. Исследователи едины в выводах о насильственном, репрессивном характере антирелигиозной деятельности в отношении старообрядчества 1930-х гг. Мы видим системный комплекс антирелигиозных действий, опирающихся в первую очередь на административное давление на всей советской территории в данный период. Исследователи сходятся во мнении относительно преобладающей роли административного принуждения старообрядческих общин к закрытию церквей, а также использования широкого спектра методов принуждения, законных и выходящих за рамки законодательства.

Большое значение в исследовательской среде имеет анализ сопротивления старообрядцев административному давлению. В данном вопросе наиболее велики расхождения в рамках исследований в различных регионах. Значимого влияния на структуру или результаты исследования того фактора, какое из течений старообрядчества изучается исследователем, не отмечено. Нет оснований говорить о некоем едином старообрядческом сопротивлении советской антирелигиозной политике, вместе с тем автор считает возможным обо-

значить в качестве наиболее распространенного метода юридическое противодействие, официальные обращения в государственные органы в целях противодействия незаконному давлению. Ввиду данного вывода возрастает значимость анализа изменений советского законодательства и деятельности органов, ответственных за его реализацию.

При изучении репрессивных действий исследователи приходят к схожим выводам относительно широкого круга лиц, подвергавшихся арестам. Репрессированы были не только священнослужители, но и иные «представители культа» – уставщики, начетчики, наставники, которые, несмотря на религиозные функции, зачастую обладали серьезным экономическим потенциалом и ввиду этого находились фактически под двойным давлением. В данном контексте старообрядцы существенно отличались от представителей иных ветвей христианства, в которых священнослужителем может являться человек «вне общины», тогда как у старообрядцев в «религиозной системе» находилось большее количество общинников.

Антирелигиозной агитации, которая при изучении истории старообрядчества 1920-х гг. являлась наиболее значимым направлением исторических исследований, уделяется гораздо меньшее внимание в работах историков. По мнению автора, фактически в исследованиях не рассматривается непосредственно антирелигиозная агитация 1930-х гг., корректнее говорить о том, что анализируются эффективность результатов антирелигиозной агитации 1920-х гг. и продолжение ее реализации в изучаемый период. Таким образом, можно констатировать, что за подрывом единства и изолированности старообрядческой общины стоят преимущественно ненасильственные антирелигиозные действия 1920-х гг.

Библиографические ссылки

1. Цыремпилова ИС. Старообрядчество Байкальского региона в современных исследованиях: к постановке вопроса. В: Васильева СВ, Майоров АП, редакторы. *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI Международной научно-практической конференции; 7–8 августа 2015 г.; Улан-Удэ,*

Бурятия. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета; 2015. с. 149–156. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-149-156.

2. Латышев КА. Ключевые аспекты конфессиональной политики Советского государства в отношении старообрядчества (1922–1929) в современной российской светской историографии. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2020;1:85–94. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-1-85-94.

3. Васильева СВ. *Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX вв.)*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета; 2007. 231 с.

4. Васильева СВ. *Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники*. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН; 2010. 204 с.

5. Костров АВ. *Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.)*. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета; 2010. 443 с.

6. Костров АВ. *Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв.* Иркутск: Оттиск; 2006. 160 с.

7. Болонев ФФ. *Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.* Бураева СВ, редактор. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН; 2009. 340 с.

8. Ланской ГН. Особенности развития советской исторической науки в исследованиях А. Л. Шапиро. *Исторический вестник*. 2017;22:224–231.

9. Ипполитов ГМ. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая дилемма. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013;15(1):184–195.

10. Зольникова НД. Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время. В: Ромодановская ЕК, редактор. *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв.* Новосибирск: Наука; 1998. с. 174–190. (Археология и источниковедение Сибири; выпуск 18).

11. Гордеева ОБ. Старообрядцы Забайкалья в 1930-е гг. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014;7:179–185.

12. Цыремпилова ИС. К вопросу о сохранении и использовании культовых памятников на территории Бурятии. *Культура в евразийском пространстве: традиции и новации*. 2018;1:91–97. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-91-97.

13. Костров АВ. Кампания по закрытию храмов старообрядцев в Забайкалье (1930-е гг.). *Новый исторический вестник*. 2010;24:24–31.

14. Симоненков КВ. Старообрядчество Курского края в условиях советской антирелигиозной кампании 1920-х – 1930-х гг. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Том 4. История*. 2012;3:119–126.

15. Пискунов НВ. Особенности государственной политики по отношению к общинам старообрядцев и старых русских сектантов Нижнего Поволжья в 1920–1930-е годы. *Манускрипт*. 2018;11(1):51–55. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.11.

16. Куприянова ИВ. Ликвидация старообрядческих общин Алтая в конце 1920-х – середине 1930-х гг. *Мир науки, культуры, образования*. 2012;5:197–201.

17. Кочергина МВ. Конфискация имущества, лишение избирательных прав и репрессии советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки в 1920–1940 гг. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* [Интернет]. 2019 [процитировано 20 августа 2020 г.];1:45–51. Доступно по: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf>.

18. Кочергина МВ. Эпоха индустриализации в СССР: разрушение традиционного облика старообрядческих поселений Стародубья и Ветки и создание социалистических городов с типовой застройкой в 1930-х гг. *Вестник Брянского государственного университета*. 2019;3:27–36. DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-03-27-36.

19. Гордеева ОБ. Государственная политика в отношении староверов Забайкалья в 1930-е гг. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2014;9:120–126.

20. Гордеева ОБ. Молитва и пост у староверов Байкальской Сибири в период 30–40-х годов XX века. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2013;11:431–435.

21. Гордеева ОБ. Отражение политики репрессий 1930-х гг. в протоколах собраний сельских советов старообрядцев Забайкалья. *Вестник Иркутского государственного технического университета*. 2014;9:265–270.

22. Шигапов СР. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016;3:44–50. DOI: 10.17223/19988613/41/6.

23. Кочергина МВ. Редкие иконографические сюжеты в старообрядческой живописи Стародубья и Ветки (вторая половина XVIII – XX в.). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* [Интернет]. 2017 [процитировано 20 августа 2020 г.];3:34–44. Доступно по: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30115663>.

24. Костров АВ. Образ дальневосточных старообрядцев в советском фильме 1935 г. «Аэроград». В: *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной научной конференции; 11–13 ноября 2014 г.; Москва, Россия. Том 2*. Москва: [б. и.]; 2014. с. 176–184.

25. Костров АВ. Характер отражения семейских Забайкалья в отдельных киноисточниках советского периода. В: Васильева СВ, Майоров АП, редакторы. *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы VI Международной научно-практической конференции; 7–8 августа 2015 г.; Улан-Удэ, Бурятия*. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета; 2015. с. 75–80. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-75-80.

26. Бураева СВ, Батурин СА. Будни довоенной Бурятии: особенности визуальной репрезентации повседневности (1920–1930-е гг.). *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук*. 2013;3:59–77.

27. Куприянова ИВ. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта. *Мир науки, культуры, образования*. 2013;4:326–330.

References

1. Tsyrempilova IS. To the problem of Baikal region Old Belief in the recent research. In: Vasil'eva SV, Maiorov AP, editors. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 7–8 avgusta 2015 g.; Ulan-Ude, Buryatiya* [Old Belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations. Proceedings of the 6th International scientific and practical conference; 2015 August 7–8; Ulan-Ude, Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2015. p. 149–156. Russian. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-149-156.
2. Latyshau KA. Key aspects of the confessional policy of the Soviet State regarding the Old Believers (1922–1929) in the modern Russian secular historiography. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2020;1:85–94. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2020-1-85-94.
3. Vasil'eva SV. *Vlast' i staroobryadtsy Zabaikal'ya (konets XVII – nachalo XX vv.)* [Power and Old Believers of Transbaikalia (late 17th–early 20th centuries)]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2007. 231 p. Russian.
4. Vasil'eva SV. *Gosudarstvennaya konfessional'naya politika po otnosheniyu k staroobryadchestvu v Baikal'skom regione XVII–XXI vv.: istoriografiya i istochniki* [State confessional policy in relation to the Old Believers in the Baikal region of the 17th – 21st centuries: historiography and sources]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2010. 204 p. Russian.
5. Kostrov AV. *Staroobryadchestvo Baikal'skoi Sibiri v «perekhodnyi» period otechestvennoi istorii (1905–1930-e gg.)* [The Old Believers of Baikal Siberia in the «transitional» period of Russian history (1905–1930s)]. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State University; 2010. 443 p. Russian.
6. Kostrov AV. *Staroobryadchestvo i staroobryadcheskaya istoricheskaya mysl' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [Old Believers and Old Believers' historical thought in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Ottisk; 2006. 160 p. Russian.
7. Bolonev FF. *Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv.* [Old Believers of Transbaikalia in the 18th–20th centuries]. Buraeva SV, editor. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2009. 340 p. Russian.
8. Lanskoj GN. Development of the Soviet historical science in the research works of A. L. Shapiro. *The Historical Reporter*. 2017;22:224–231. Russian.
9. Ippolitov GM. Historiographic fact and historiographic source as categories of historical studies: nonsimple dialectics. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2013;15(1):184–195. Russian.
10. Zol'nikova ND. [Ural-Siberian Old Believers in the first half of the 20th century: ancient traditions in Soviet times]. In: Romodanovskaya EK, editor. *Istoriya russkoi dukhovnoi kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv.* [The history of Russian spiritual culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka; 1998. p. 174–190. (Archeography and source studies of Siberia; issue 18). Russian.
11. Gordeeva OB. Transbaikalian Old Believers in 1930-ies. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2014;7:179–185. Russian.
12. Tsyrempilova IS. Conservation and usage of cult monuments within the territory of the Republic of Buryatia. *Kul'tura v evraziiskom prostranstve: traditsii i novatsii*. 2018;1:91–97. Russian. DOI: 10.32340/2541-772X-2018-1-91-97.
13. Kostrov AV. [Campaign for the closure of Old Believer churches in Transbaikalia (1930s)]. *The New Historical Bulletin*. 2010;24:24–31. Russian.
14. Simonenkov KV. Old Belief of Kursk region in conditions of Soviet anti-religious campaign in 1920-s – 1930-s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Tom 4. Istoriya*. 2012;3:119–126. Russian.
15. Piskunov NV. Peculiarities of state policy in relation to the communities of Old Believers and Old Russian sectarians of the lower Volga region in the 1920–1930s. *Manuscript*. 2018;11(1):51–55. Russian. DOI: 10.30853/manuscript.2018-11-1.11.
16. Kuprianova IV. Elimination of Old Believer communities of Altai in the late twenties – the middle of the 1930th. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2012;5:197–201. Russian.
17. Kochergina MV. [Confiscation of property, depreciation of electoral rights and repression of Soviet power against Russian Old Believers Starodubye and Vetka in 1920–1940]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Internet]. 2019 [cited 2020 August 20];1:45–51. Available from: <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/054-009.pdf>. Russian.
18. Kochergina MV. The era of industrialization in the USSR: the destruction of the traditional appearance of Old Believer settlements Starodubya and Branch and the creation of socialist cities with typical buildings in 1930s. *The Bryansk State University Herald*. 2019;3:27–36. Russian. DOI: 10.22281/2413-9912-2019-03-03-27-36.
19. Gordeeva OB. State policy towards Old Believers of Transbaikalia in 30s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies*. 2014;9:120–126. Russian.
20. Gordeeva OB. Prayer and fasting of Old Believers from Baikal Siberia in 1930–1940s. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2013;11:431–435. Russian.
21. Gordeeva OB. Reflection of repressive policies of 1930-ies in minutes of Transbaikalian Old Believers village council meetings. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2014;9:265–270. Russian.
22. Shigapov SR. The Soviet authority and Old Believers: the development of relations in 1920–1930s (on materials of Tomsk county). *Tomsk State University Journal of History*. 2016;3:44–50. Russian. DOI: 10.17223/19988613/41/6.
23. Kochergina MV. [Rare iconographic subjects in the Old Believer painting of Starodubye and Vetka (second half of the 18th – 20th centuries)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Internet]. 2017 [cited 2020 August 20];3:34–44. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30115663>. Russian.
24. Kostrov AV. [The image of the Far Eastern Old Believers in the 1935 Soviet film «Aerograd»]. In: *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 11–13 noyabrya 2014 g.; Moskva, Rossiya. Tom 2* [Old Belief: history, culture, modernity. Proceedings of the 11th International scientific conference; 2014 November 11–13; Moscow, Russia. Volume 2]. Moscow: [s. n.]; 2014. p. 176–184. Russian.

25. Kostrov AV. The reflection of Semeiskie of Transbaikal region in the cinema sources of the Soviet period. In: Vasil'eva SV, Maiorov AP, editors. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 7–8 avgusta 2015 g.; Ulan-Ude, Buryatiya* [Old Belief: history and modernity, local traditions, Russian and foreign relations. Proceedings of the 6th International scientific and practical conference; 2015 August 7–8; Ulan-Ude, Buryatia]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University; 2015. p. 75–80. Russian. DOI: 10.18101/978-5-9793-0771-8-75-80.

26. Buraeva SV, Baturin SA. Weekdays of the pre-war Buryatia: patterns of everyday life visual representation in the 1920s–1930s. *Bulletin of the Buryat Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013;3:59–77. Russian.

27. Kuprianova IV. Old Believer family: religious and cultural dominance. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2013;4:326–330. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2020.
Received by editorial board 20.10.2020.